В своей жизни, Элеонора повидала множество как ужасных, так и прекрасных вещей — она пережила столько поколений, что, казалось бы, ничто в этом мире более не могло более удивить ее. Но то, что она увидела перед собой сейчас, было вне рамок ее ожиданий — ее чувства смешались в буре, не давая понять, что она испытывает: то ли страх, то ли восхищение.

Легкий дождик с густыми облаками перерос в настоящий шторм, но даже в нем не исчез огромный магический луч, пробивающий небеса своим величием. Предназначение этого луча было не до конца понятным для нее, но оно сейчас и не имело значения. Куда более интересным был тот, кто находился рядом с источником луча — некто, кого она так хорошо знала.

На вершине каменной пирамиды, из которой и сочился магический луч, стоял мужчина, облаченный в темный доспех. И если этого было недостаточно, чтобы понять, кто это такой, то его леденящий взгляд, направленный на Элеонору, являлся для нее исчерпывающим сведением. Сейчас, это был худший враг, которого она могла бы себе вообразить в голове — это был Винтер. Глядя на него, на его фигуру, ей стало понятно, что чувство в ее груди… это совсем не восхищение, а самый настоящий страх.

Элеонора не была лишена страха в принципе, но мало что могло по-настоящему заставить ее бояться. Она буквально не боялась никого и ничего, всегда идя напролом чрез монстров и вражеские армии. Винтер… он был единственным, кого она не могла победить до конца.

Эти двое дополняли друг друга: Винтер всегда был сильнее в магии, но слабее в физическом бою, а Элеонора все наоборот: доспехи, оружие, грубая сила — это ее стихия, но в магии она заметно уступала Винтеру. Им и до этого приходилось сражаться друг с другом, но никто из них ни разу не был по-настоящему побежден. Сейчас был как раз тот момент, когда победитель может быть только один, другого варианта просто нет.

За спиной Элеоноры висели два меча — белый клеймор и черный бастард, и первый из них взмыл в воздух, стоило только Винтеру поднять руку вверх. Меч долетел до самой вершины пирамиды, ворочаясь, словно какой-то метательный нож, после чего он угодил прямо в руку к Винтеру. Он поймал его за лезвие, не за рукоять — но это абсолютно не навредило ему. Как будто лезвие меча в принципе не могло ему никак навредить.

— Что ты делаешь?! — крикнула Элеонора, пытаясь достучаться до него.

— Возвращаю то, что по праву мое. — Холодно ответил он.

Шторм перерос в метель в одно мгновение. Глаза Винтера воспылали неестественно ярко, а за спиной у него появились демонические крылья ледяного оттенка. Как только меч оказался у него в руках, он сильно изменился — у него будто прибавилось еще больше сил. Крылья вскоре исчезли, но его глаза продолжали гореть синим пламенем.

Встав в стойку, Винтер направил меч на Элеонору и сказал: — Время пришло. Иди сюда.

Их отделяло друг от друга всего-ничего — лишь лестница из сотни ступенек, ведущая на самую вершину пирамиды, к магическому лучу. Но эти ступени сейчас казались для нее самым неприступным испытанием в мире. Не из-за того, что они были высокими, но из-за того, кто ждал ее наверху, в конце пути. И все же она должна была продолжить.

Элеонора молча достала меч и начала подниматься по ступенькам. Шаг за шагом, она подходила к Винтеру все ближе и ближе, и вместе с расстоянием прямо пропорционально увеличивался ее страх. Ее тело не ведало страха, но ментально она была сильно подавлена, из-за чего ей было тяжело сосредоточиться на схватке, которая вот-вот состоится. Ее чувства притупились, а из звуков вокруг для нее оказалось доступным только лишь ее сердцебиение и тихий звук ее собственных шагов. Винтер же все это все продолжал стоять на месте, ожидая, когда Элеонора наконец-то доберется до него…

Стоило ей только преступить последнею ступеньку, как сразу же раздался лязг от стали мечей, столкнувшихся вместе. Винтер дал ей спокойно дойти до самого конца, но как только она преступила порог его «территории», он сразу атаковал ее, не позволяя сказать и слова. В отличие от нее, Винтер оставался предельно спокойным, скорее, он был просто искушен ожиданием. По его взгляду ей стало понятно, что он даже не прикладывает никаких усилий, чтобы остановить ее, да и не только по взгляду — Винтер держал свой меч одной лишь рукой, в то время как Элеонора держала двумя, выкладываясь на полную. И это притом, что меч Винтера был даже больше.

— Кажется, мне даже не нужно применять магию, чтобы удержать тебя… — усомнился в ее силах Винтер.

В ответ на такую издевку с его стороны, Элеонора ударила его лбом в нос и отскочила назад, заняв свое место на платформе. Винтер не получил серьезных ранений от такого, но все же дал ей перевести дыхание.

— Я не буду просить тебя одуматься, как и не буду просить пощады. — Меч Элеоноры охватило ало-голубое пламя, вертикально разделенное на две половины. — Делай что хочешь, но я приложу все свои усилия, чтобы остановить тебя, Винтер. — Помимо ало-синего пламени, в центре меча появился черный стержень. — Даже если мне придется убить тебя.

— Тебе придется. — Подобно тому, что сделала Элеонора, меч Винтера так же окутала магическая энергия, только она была намного более яркой и массивной в ее случае. Лезвие его меча увеличилось раза в три, превратившись скорее в магическую глыбу, нежели в типичное лезвие.

Винтер взмахнул мечом как ни в чем не бывало, нанеся горизонтальный удар в сторону Элеоноры, что вынудило ее изогнуться так, как не смог бы изогнуться даже самый умелый акробат. На Элеоноре были надеты тяжелые доспехи, хоть и легкие насколько это возможно, что усугубило ситуацию… этот «финт» стоил ей немалых усилий.

Осознав, в каком положении она находится, Элеонора попыталась как можно сильнее

сблизиться с Винтером, чтобы он не смог снова провернуть такую массивную атаку. Их клинки вновь столкнулись вместе, и огромная «глыба» Винтера пролетела мимо Элеоноры, в то время как она попала кончиком бастарда прямо в его плечо. Но этот удар не то чтобы сильно помешал ему: Винтер даже не дернулся, напротив, воспользовавшись моментом, он выплеснул магическую энергию вокруг себя, оттолкнув Элеонору в воздух так сильно, что она только лишь одним чудом смогла приземлиться на ноги после такого.

— Ударь меня так сильно, как ты только сможешь, Принцесса! — спровоцировал ее Винтер, расставив руки в стороны.

Элеонора прекрасно знала, что он пытается спровоцировать ее на удар, но в глубине души она все еще держала у себя в голове возможность, что Винтер просто недооценивает ее возможности, и если она сейчас действительно нанесет удар во всю силу, то у нее получится нанести ему существенный урон.

Внушив себе возможный победный исход, она выложилась на все сто, взмыв вверх на крыльях, попутно закладывая столько магический энергии в меч, сколько она только могла себе позволить. Он запылал еще более яркими ало-голубыми красками, символизируя собой кровь и души, а черный стержень в центре, символизирующий пустоту, начал искрить, словно молния посреди бури.

Ее могущественный удар пришелся прямо по Винтеру, снося все на своем пути, включая пирамиду, на который они стояли. Чуть ли не четверть от всего просто исчезло, растворившись в бесконечно большом потоке энергии. После того, как магическая энергия усела, Винтера не было на месте, и Элеонора уже понадеялась, что он просто испарился от ее силы.

Но все не могло быть настолько просто для нее.

— Ты, несомненно, достойна называться одной из самых сильнейших. — Услышала она его голос позади себя. — Но никакая магия не сравнится со временем. — Остановив время, Винтер обдурил Элеонору и пригвоздил ее магией. Она могла слышать его, могла видеть — но не могла что-либо противопоставить, потому что ее тело не двигалось.

— Это… просто нечестно… — горько проговорила она. — Невозможно…

Медленно пройдя вперед, Винтер встал напротив ее застывшего тела и замахнулся мечом. Элеонора даже если и хотела что-то сделать, то попросту не могла… все что она сейчас могла — это наблюдать. Наблюдать за ее собственной казнью, не иначе.

— Никто не остановит время, кроме меня.

Прямо перед тем, как меч Винтера срубил бы ей голову, Элеоноре удалось выбраться из плена его магии и вновь скрестить с ним клинки. И даже такой трюк с ее стороны не смог произвести на Винтера хоть какое-то впечатление, словно именно этого он и ждал с самого начала

схватки. Но в этот раз это не было безнадежное противостояние: эти двое стояли наравне.

— Ты уже проиграла, и ты это знаешь… — приговаривал Винтер, сжимая рукоять меча.

— Ты можешь победить меня в бою, но ты никогда не сломишь меня, Винтер.

— Может быть. — Прибавив силы, ответил он. — Но я могу сломать все остальное.

Винтер схватил меч Элеоноры за лезвие, и, не без усилий и не без помощи магической энергии, оторвал кусок лезвия. Удивлению Элеоноре не было предела, когда меч, сделанный из крепчайших металлов в мире, так легко треснул под рукой Винтера.

Осколки меча прошлись по ее лицу, оставляя неглубокие шрамы. Элеонора застыла на месте в изумлении, в абсолютном непонимании того, что ей делать дальше. Только когда кусок меча, пробивший ее доспех насквозь, взвыл в плече, она пришла в сознание, но и только. Теперь, когда Винтер лишил ее единственного преимущества, она не могла атаковать его никаким образом. Ее магия не могла сравниться с магией Винтера.

Винтер беспощадно воспользовался моментом, не оставляя никакой возможности для нее, и вонзил свой клеймор прямо ей в грудь. Он остановился только лишь тогда, когда рукоятка меча уперлась в ее доспех. Не вытаскивая меч из ее тела, Винтер дал ей отойти к краю пирамиды, после чего схватил ее за плечи и столкнув вниз, по ступенькам.

Тело Элеоноры катилось до самого низа, с каждой секундой стремительно отдаляясь от вершины пирамиды, к которой она так долго шла. Элеонора не умерла, но и назвать живой ее сейчас было тяжело — она почти не чувствовала боли от падения, но вовсе не из-за высокого болевого порога, а из-за истощения, которое «подарил» ей меч в груди. Она не чувствовала боли из-за того, что клеймор Винтера буквально замораживал ее изнутри. Но, за мгновение до того, как она бы коснулась земли…

Она проснулась. Элеонора подскочила на месте… то ли из-за того, что повозка, на которой она ехала, напоролась на булыжник, то ли из-за страха. Но скорее из-за второго, особенно учитывая факт, что ее сейчас обнимал Винтер. Он сидел позади нее, придерживая дрожащее тело Элеоноры руками.

Ноги, руки, плечи — все ее тело дрожало. Ее сознание охватила нескончаемая паника, с которой она не могла справиться. Сон казался ей таким реальным, что она просто не могла успокоиться, тем самым выплескивая наружу чувства той Элеоноры, которая оказалась на пороги смерти во сне. Все, что ей пришлось держать внутри себя там, выплескивалась прямо сейчас, превращая ее из могучего война в девчонку.

— Тебе приснился кошмар. — Утвердил Винтер, не отпуская ее. — Теперь все в порядке.

— Нет. — Твердо сказала она, без дрожи в голосе. — Это был не кошмар… видение, воспоминание… но не кошмар. Это было на самом деле.

— Воспоминание? И о чем же было это воспоминание, что оно так сильно напугало тебя?

— Это было не мое воспоминание. Я… этого никогда не происходило со мной… — запуталась она. — Но, возможно, это произошло с ней.

— Ясно… я понимаю, о чем ты говоришь. И все же…

— Там была я… — прервала она его, заранее отвечая на его вопрос. — И там был ты.

— Это не все, не так ли?..

— Нет, не все. — Переведя дыхание, Элеонора договорила: — Ты убил меня.

На пару минут, между ними повисло безграничное молчание. Никто из этих двоих не решался проронить ни слова… и, если бы не грохот от повозки, вокруг была бы идеальная тишина. Такой ответ, вне всяких сомнений, удивил Винтера. Да и сама Элеонора не осталась неравнодушной к этому.

— Порой я сражался с Элли, это правда. — На момент остановившись, Винтер вскоре продолжил: — Но я могу тебе поклясться, что до летального исхода не доходило никогда.

— Во «сне» ты сломал меч, который я забрала у нее… и это пугает меня еще больше. Тот, что со знаком бесконечности.

— Это невозможно. — Обеспокоенно сказал Винтер. — Бессмыслица, меч ведь цел.

— Да, бессмыслица. — Придя в себя, Элеонора отползла в сторону от Винтера, упершись спиной к краю повозки. — Мне жаль, что тебе довелось увидеть меня в таком жалком состоянии.

Элеонора ушла в себя, а Винтер продолжил размышлять о том, что она сказала. Впрочем, сидеть в такой обстановке было как минимум некомфортно — казалось, будто они только что поссорились. Да и навряд ли после такого «воспоминания» у Элеоноры остались приятные впечатления о Винтере, нужно было хоть как-то разрядить обстановку… оставалось только придумать чем именно, потому что все, что у них сейчас имелось — это закрытая повозка, в которой лишь изредка мелькал свет от солнца.

Наездник подвинул занавеску, и в повозке показался свет, который, в большей части, упал именно на Элеонору. Ее темный доспех засверкал в лучах солнца, будто его сковали вот

только-только, что, конечно, совершенно не было правдой. Он с ней давно.

— Мы прибыли.

http://tl.rulate.ru/book/39646/1037453